

Сяргей Шапран

...Нікому ня прыйдзе і ў галаву
збіраць хворых і дазволіць ім
вырашаць, як урачам лячыць...
У адносінах да пісьменьнікаў
такія выпадкі — нармальныя...

Васіль Быкаў:

«Тое, што хачу, я ўсё роўна скажу»

Старонкі кнігі «Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах»

«Ці сапраўды гэта — няўдача?»

Афіцыйны тон усёй савецкай партыйнай крытыцы задае ня Менск — Масква. Ні многа ні мала, а менавіта Старая плошча бярэцца выпраўляць «памылку» «Новаго мира», які надрукаваў «Мёртвым не баліць». А. Твардоўскі запіша ў дзёньніку ў кастрычніку 1966 г.: «В этом месяце будет идеологическое совещание (узкое), где, по ведению, будет проборка кино и «Н[ового] м[и-ра]», возможно, это предварение того, что еще будет на съезде писателей. В конце концов, дело, по-видимому, идет к концу, — так дают понять люди аппарата, сочувствующие нам. Пусть бы уж!»¹ Хоць, канешне, няправільна было б лічыць, быццам «проборка» «Новаго мира» адбывалася толькі з-за быкаўскай аповесці. Але

*Працяг.
Пачатак
у № 6 (25)
за 2006 год.*

*Часопісная
версія.*

¹ Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2003. № 9.

аб тым, што артыкулы супраць гродзенскага пісьменьніка былі санкцыянаваныя з самага «верху», сьведчыць у тым ліку ліст, накіраваны ў ЦК КПСС:

«ЦК КПСС

Считаем целесообразным проинформировать о следующем.

В журнале «Новый мир» (№№ 1, 2 за 1966 год) опубликована повесть В. Быкова «Мертвым не больно».

В повести с неверных идейных позиций, во многих случаях клеветнически, отобразены события Великой Отечественной войны, взаимоотношения между советскими солдатами и офицерами. Она заполнена желчными описаниями беззаконий и преступлений, якобы чинившихся в рядах действующей Советской Армии. В повести самыми мрачными красками злобно нарисованы образы советских офицеров. Нет ни одного командира, хоть сколько-нибудь достойного, — все они тупые карьеристы и самодуры. Командир батальона — «обормот с лакейской мордой», который «тянется перед начальством»; ротный Сарафанов — «набитый дурак и горлопан»; капитан тыловой службы «чокнутый», «дурака кусок», «тыловик проклятый» и т. д. Эти характеристики командиров автор подтверждает изображением того, как они действуют на практике — без проблеска мысли и разума.

Сюжетная основа повести — рассказ о том, как группа раненых советских офицеров и командиров зимой 1944 года пыталась в районе Кировограда уйти от преследования врага. Трагическая судьба этой группы обрисована на фоне хаоса и сумятицы в наших частях и усугублена преступными действиями руководившего группой капитана «особиста» Сахно. Он наделен в повести чертами злодея, убийцы. Сахно творит суд и расправу над солдатами и офицерами, пристреливает наших раненых. Наши офицеры и солдаты без конца стреляют друг в друга. Рядовой стреляет в старшину, ранит его, а затем старшина убивает солдата и т. д.

Повесть призывает к отмене подобным «особистам». Переноса действие в наше время, в день празднования 20-летия победы над гитлеровской Германией, автор изображает своеобразного двойника Сахно — бывшего председателя Военного трибунала Горбатюка. Горбатюк оправдывает чудовищные жестокости Сахно, который пристреливал раненых советских бойцов, ссылкой на якобы отданный во время войны соответствующий приказ Сталина.

Пафос злого и безоглядного «обличительства» явно ослепил автора повести. Ничем иным нельзя объяснить то обстоятельство, что в отношении действительного нашего врага — немецких фашистов — у В. Быкова не нашлось гневных оценок. Выведенный в повести пленный немец изображен более гуманным, человечным, внимательным, чем многие советские командиры. Позиция автора здесь отчетливо раскрывается в следующих словах центрального персонажа повести: «Мое представление о немцах поколеблено. Я уже склонен думать, что среди них бывают разные. И так себе. И ничего. И сволочи. Впрочем, как у нас. И, пожалуй, как всюду. Люди есть люди. И в общей своей массе — не плохие и не хорошие — разные».

Забвение т. Быковым классовых критериев, грубое искажение исторической правды привели к тому, что из-под его пера вышло произведение, наносящее серьезный вред делу воспитания советских людей, особенно молодежи. Оно мешает правдивому познанию великого подвига советского народа, создает извращенные образы солдат и офицеров Советской Армии. В. Быков спекулирует памятью погибших, отстаивая некую абстрактную «справедливость», которая объективно приводит к оправданию преступлений, совершенных по отношению к советскому народу немецкими фашистами, поскольку автор фактически не проводит разницы между зверствами фашистов и справедливой местью советских воинов.

Повесть В. Быкова сразу же была замечена буржуазной пропагандой. Так, корреспондент «Ассошиэйтэд пресс» Коулман подчеркивал: «Как явствует из новой советской повести, Иосиф Сталин приказал советским войскам пристреливать своих собственных раненых с тем, чтобы они не были захвачены нацистами в плен живыми».

Учитывая серьезность ошибки, допущенной редакцией журнала «Новый мир», Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС и Отдел культуры ЦК КПСС поручили редакции газеты «Красная звезда» (т. Макееву) выступить со статьей о повести В. Быкова «Мертвым не больно», а Правлению Союза писателей рекомендовано *укрепить редакцию* квалифицированными работниками.

Сообщается в порядке информации.

Зав. Отделом пропаганды
и агитации ЦК КПСС

В. Степанков.

15 апреля 1966 г.».

Зав. Отделом культуры
ЦК КПСС

В. Шауро.

Забягаючы наперад, трэба сказаць, што згодна з тымі нешматлікімі дакументамі, якія ў апошні час сталі вядомыя, КДБ не адзін год пільна адсочваў рэакцыю Захаду на быкаўскую аповесьць — у прыватнасці, публікацыю яе ў мюнхенскім украінскім часопісе «Сучасність» (1966), выхад асобным выданьнем у ФРГ (1967) (што датычыцца мюнхенскага асобнага выданьня «Мёртвым не баліць» (1965), рэакцыя КДБ на яго невядома):

«17 августа 1966 г.

Секретно

Комитет госбезопасности при СМ СССР направляет предисловие к напечатанной в июне 1966 года в журнале «Сучасність», органе одного из националистических центров в г. Мюнхене, повести белорусского писателя Василя Быкова «Мертвым не больно». Предисловие написано главным редактором этого журнала, украинским националистом Иваном Кошелівцем.

Приложение: Предисловие Кошелівца на 3 листах.

Заместитель председателя

Комитета госбезопасности

Н. Захаров.

На документе помета: «Справка. Работники Отдела культуры ЦК КПСС тт. Шауро, Мелентьев и Беляев ознакомились.

Зав. Секретариатом Отдела культуры ЦК КПСС *Г. Дьяконов.*

25.VIII.66 г.»

Повесть Василя Быкова

Когда в «Новом мире» за январь-февраль этого года появилась повесть Василя БЫКОВА «Мертвым не больно», на Западе она вызвала сенсацию, в буквальном значении слова — как взрыв. Все «советологи» в один голос закричали, что ТВАРДОВСКИЙ не случайно начал шестьдесят шестой год этим многозначительным произведением: он, мол, припас повесть БЫКОВА на предсъездовский период, чтобы этим высказать протест против реабилитации Сталина, которую все ожидали, боялись ее, и она, несмотря на выразительные протесты общественности, на XXIII съезде своеобразным образом все-таки состоялась.

Есть много оснований так оценивать намерения ТВАРДОВСКОГО, так как повесть БЫКОВА бескомпромиссно антисталинская. Но есть одна деталь не второстепенного значения для характеристики ценностей современной западной «советологии»: до того, как повесть «Мертвым не больно» попала на страницы «Нового мира», она была напечатана в 7-8 номерах (июнь-июль) 1965 года в белорусском литературном журнале «Маладосць», который выходит в Минске. Ровно на полгода раньше. И за это время о ней на Западе и пес не гавкнул. Популярным БЫКОВ стал именно благодаря ТВАРДОВСКОМУ.

Так и с любой другой национальной литературой в СССР, с украинской в том числе. Большой роман Леонида ПЕРВОМАЙСКОГО «Дикий мед» не взял ни один западный издатель для перевода только потому, что он не получил апробирования у ТВАРДОВСКОГО — не был перепечатан в «Новом мире». [...]

Первое знакомство с русским вариантом повести «Мертвым не больно» в «Но-

вом мире» удивило меня необыкновенностью, которая, парадоксально можно сказать, именно в том, что это редкий образец прозы в непосредственном и наиболее конкретнейшем значении этого слова. Это утверждение требует пояснения, потому что не один из читателей удивится: и что же здесь такого особенного, когда прозы в общем-то существует очень много. Дело в том, что есть проза только по названию и есть настоящая проза. Последней намного меньше. И в советской, в частности, в украинской советской прозе, очень мало прозы. То, что пишут все наши прозаики (исключаю из этого числа двух: Л. Первомайского и из молодых — В. Шевчука) не проза, а документальное свидетельство того, что они не знают своего жанра. Это касается и тех, кого в настоящее время зачисляют в число наилучших мастеров прозы, например, О. ГОНЧАРА и М. СТЕЛЬМАХА.

Все они убеждены, что проза тем лучше, чем больше она насыщена псевдопоэтическими украшениями. Раскроем повесть М. СТЕЛЬМАХА «Гуси-лебеди летят»:

[...] «Я не успел опомниться, как вечер укрыл леса и стал укладывать на ночь цветы, и с них то тут, то там свисали сонные бабочки».

С «бабочками»-то и беда. Автор рвется высказываться по возможности красивее, засоряет текст ненужностями. [...]

БЫКОВ обходится без «бабочек», его рассказ сухой и экономный на слова, собственно — проза. Точная и совершенная в деталях.

Прочитав русский перевод его повести, я кинулся на розыски оригинала, который был нужен не только для перевода, т.к. интриговала еще и подпись: «Авторизованный перевод с белорусского М. ГОРБАЧЕВА». Это могло означать, что квалифицированный переводчик, вольно обращаясь с текстом, мог выдать воду и этим намного улучшить произведение.

Сравнение перевода с оригиналом действительно обнаруживает сокращение, изменения и перестановки, но я с удовлетворением констатировал, что это было сделано, исходя из каких-то иных соображений, без внимания на качество, которое нужно отнести целиком в заслугу автора.

Еще одна черта повести БЫКОВА — беспощадность. К самому себе. Она нужна в искусстве всюду, чтобы не сбиться на фальшь. В советских условиях она равнозначна мужеству: не бояться преследования за правду в искусстве. В советской печатной прозе мне известен единственный до БЫКОВА пример такой беспощадности — «Один день Ивана Денисовича».

Не из писаний прославленных К. СИМОНОВА, М. ШОЛОХОВА или О. ГОНЧАРА, а из повести В. БЫКОВА читатель впервые и в полной мере почувствует ужас минувшей войны. И именно этим оправдан украинский ее перевод. А не менее и тем, что это — образец современной прозы».¹

«23 октября 1967 г.

Секретно

Получены данные о том, что повесть белорусского писателя В. БЫКОВА «Мертвым не больно» выпущена массовым тиражом на немецком языке западногерманским издательством «Ульштайн» с предисловием Карин ФРАТЦШЕР (перевод предисловия прилагается).

Заместитель председателя

Комитета госбезопасности

Цвигун.

На документе помета: «ЦК КПСС. В отделе культуры ознакомились.

Зав. Секретариатом Отдела культуры ЦК КПСС Г. Дьяконов.

6 ноября 1967 г.»

П р и л о ж е н и е

¹ «Мертвым не больно» под арестом // Дружба народов. 1993. № 9. С. 207-208.

Предисловие К. Фратцшер к немецкому изданию книги В. В. Быкова «Мертвым не больно»

Этот роман о жизни и смерти нескольких русских людей, одно из ярких литературных произведений, проникших в последние годы из СССР на Запад. Его очаровательная смелость нашла отражение в искусстве, и только из-за недоразумения произведение Василия Быкова «Мертвым не больно» стало поводом и предметом политических разногласий и споров, которых Россия и Запад не знали со времен Пастернака и Евтушенко.

Быков соединяет события этого романа, происходившие в течение нескольких дней русской войны зимой 1944 года и в длинную ночь празднования победы в 1965 году. Книга выигрывает своим прозаичным накалом и поэтической меланхолией, параллелизмом и противопоставлением сцен, которые объединяют героев книги.

Во время медленно тянущихся часов в ночном Минске он вспоминает советского офицера, чья жестокость стоила жизни его другу. Ему думается, что в праздничной толпе он видит офицера вновь. И в то время, когда он следует за ним по улицам и площадям, его вновь охватывает прежний страх и беспощадная ненависть, как тогда в украинской снежной пустыне, когда он сам входил в положение противника немца и чего не доставало темной фигуре советского офицера. Образ этого мрачного героя войны олицетворяет режим периода войны и показывает эпоху во всей своей наготе, всю ее низменность, характерную ничтожными идеями человека. Эти годы рассматриваются глазами поколения, которое отдало свою жизнь за победу, их обошедшую, и об ужасах которой они не хотели бы ничего больше знать.

Тот значительный отрицательный образ романа путем несоединения его появления на сцену и ухода с нее приносит сверхиндивидуальность содержанию этого образа. Когда Быков воспроизводит его мотивы после войны в другом человеке, вступающем за такую же черствость и презрение к людям, тот образ превращается в типичного носителя зла, типа, который всюду ошибается, поскольку он бесчеловечен. Ему нечего жалеть, и он не может понять, что ему следует жалеть. Книга выходит за рамки политики в область поэзии.

Уже в изображении большого горя и безмерной любви к другу роман следует великим традициям русской литературы. Параллельно со сценами горечи и поражения, изображаются сцены возникающей дружбы, изображением смерти друга мотив страдания и любви превращается в боль, которая является характерным оттенком мягкой и очень русской книги, дающей молодежи право не опускать голову, несмотря на пережитое». ¹

Між тым, адразу пасья зьяўленья аповесці ў «Новом мире», «Красную звезду» апярэджваюць часопіс «Байкал» і газета «Правда», пасья публікацыі ў якой артыкула У. Сеўрука «Правда о великой войне» «бы па камандзе, пасыпаліся вельмі крытычныя, часта зьневажальныя артыкулы з палітычным падтэкстам ва ўсіх іншых цэнтральных газетах»². Загад на зьяўленьне «правдинского» артыкулу сапраўды быў, — у 1981 г. у сакрэтнай запісцы загадчыкаў аддзелаў прапаганды і культуры ЦК КПСС будзе адзначана: «В соответствии с поручением отделов ЦК КПСС газеты «Правда» и «Красная звезда» опубликовали статьи, в которых повесть расценивалась, как творческая неудача автора»³.

Аб тым жа, менавіта якім чынам рыхтаваўся «правдинский» артыкул, сьведчыць В.Аскоцкі: «В тот год, подстав от журналистской текучки, я ушел из «Литературной газеты», где отрубил десять лет, и, испытав острую потребность углубить, систематизировать, обобщить накопленные знания, поступил в аспирантуру Академии общественных наук на кафедру теории литературы и искусства, возглав-

¹ «Мертвым не больно» под арестом // Дружба народов. 1993. № 9. С. 208-209.

² Быкаў В. Доўгая дарога дадому. С. 247.

³ «Мертвым не больно» под арестом // Дружба народов. 1993. № 9. С. 209.

ляемую И. С. Черноуцаном. Сижу однажды в читальном зале, роскошном, к слову, по книжному фонду, над чем-то срочным работаю, вдруг — звонок с кафедры: Игорь Сергеевич просит зайти. Спускаюсь. В кабинете он, профессор В. И. Борщук и аспирант третьего курса Владимир Севрук.

— Вы читали в «Новом мире» повесть Василя Быкова?

— Конечно.

— И ваше мнение?

Излагаю возбужденно. Севрук загадочно ухмыляется, Черноуцан нахмуривается, Борщук с едва заметным облегчением:

— Нет, вы нам не подходите.

Ухожу в недоумении, гадаю, в чем дело. Потом вспоминаю: Севрук как-то прихватнул, что пишет статью о «Мертвым не больно», благо тема его диссертации — современная военная проза. Наверное, статья написана, и ее сейчас коллективно «дочищают», — вот и хотели позвать меня на подмогу. Но, угадав и, как вскоре обнаружится, угадав верно, доверчиво не заподозрил ничего худого. Ведь на моих глазах всего пару месяцев назад Севрук возбужденно носился по аспирантскому общежитию, держа под мышкой журнал «Маладосць», где повесть печаталась в белорусском оригинале, и назойливо зывал едва ли не к каждому встречному-поперечному:

— Давай почитаю! С листа. Вслух. Остро... разоблачительно...

Проходит еще неделя. По прошествии ее открываю «Правду». Оперативно откликаясь на «новомировскую» публикацию «Мертвым не больно», она бдительно клеймит и журнал, и повесть...¹

«Недавно опубликована новая повесть В. Быкова «Мертвым не больно». На ее страницах читатель встретился с доброй и мужественной «сестричкой» Катей Щербенко и отважным старшиной Евсюковым, взводным Юркой Стрелковым.

Но на этот раз не таким людям, к сожалению, суждено по воле автора определять развитие событий.

И в новой повести, как и во многих других произведениях Василя Быкова, его герои действуют в исключительно трагедийных ситуациях. Но трагичность их положения не только и не столько в сложившейся фронтовой обстановке. Словно какая-то злая и неодолимая сила, идет по людским судьбам и жизням штабной капитан Сахно. И многие из тех, кто вырывается из огненного кольца, все-таки гибнут по воле этого люгующего от собственной трусости зловещего негодяя.

Акценты в повести расставлены так, что утрачивается ощущение времени, а порой даже самого характера войны, явившейся великим подвигом советского народа в борьбе против фашизма — злейшего врага человечества. Главный конфликт изображен как столкновение и противоборство «трудяг» и «бедолаг» войны с беспечными к судьбам людей и жестокими силами, олицетворением которых выступают капитан Сахно и председатель трибунала Горбатюк. Такое «расслоение» надуманно и противоречит жизненной правде.

Автор активно осуждает тупую категоричность и подозрительность, с которой относятся к людям Сахно и Горбатюк.

Но разве по-иному мыслит главный герой повести Василевич, которого автор противопоставляет им? Он тоже безапелляционно оценивает людей по профессии, по должности, по фронтовой прописке.

Василевич — отнюдь не тот герой, который воплощает в себе высокие идейные и моральные качества, совесть народа-воина.

Сложных противоречий прошлых лет В. Быков касается не первый. Понятно, что и дальше в искусстве будет продолжаться процесс все более глубокого и полного постижения событий истории нашей страны. Не минуя при этом и горестных

¹ Оскоцкий В. Через годы — через жизнь.

страниц, и тех явлений, которые были чужды природе социалистического строя и которым партия окончательно и бесповоротно положила конец. Тут от писателя требуются высокая ответственность, верность партийным, классовым позициям, забота о том, достаточно ли полно и глубоко сказал он о сложном и трудном этапе истории, не увел ли читателя от верных ориентиров в понимании жизни страны и главного конфликта эпохи. Здесь недопустимы односторонние, размашистые оценки, с чем мы встречаемся в повести В. Быкова.

Повесть «Мертвым не больно» — неудача автора. Об этом нужно сказать прямо и бескомпромиссно. Эта неудача — следствие серьезных идейно-эстетических просчетов писателя. Отмечая это, мы далеки от того, чтобы бросать тень на все творчество талантливого художника, но мы решительно против его односторонней и во многом неправдивой концепции времени и общества, отчетливо проступающей в повести. Несостоятельность ее очевидна.¹

Тады ж Г. Бакланаў дашле ў Гродна ліст:

«18 апреля 1966 г.

Дорогой Василь!

Вот и я понадобился для счета. Или для веса, верней. На ту самую чашу весов, куда много имен и много книг взгромоздили, чтобы гуртом перетянуть один твой отличный роман. Восстановить, так сказать, равновесие. Ну что ж, древние еще говорили: никто не кидает камнями в бесплодное дерево, но каждый норовит сбить золотое яблоко. Что же касается точки зрения, которая у меня, как выяснилось «та», а у тебя — «не та», так я под твоей подписываюсь охотно.

Мне говорили, что в Белоруссии появилась о тебе статья, где уже и родословную вспоминать начали. В этом смысле статья в «Правде» кладет предел и ограждает от особо резвых талантливого писателя Быкова, автора многих занявших свое место книг.

Мы часто одним днем живем. А если чуть дальше поглядеть, так статья эта ничего у тебя не убавляет, а наоборот, указывает на тебя тем, кто тебя еще не знал. Ты сам понимаешь, надеюсь, какую широкую известность получит теперь твой роман. Он и сам себе прокладывает дорогу весьма успешно, потому что это настоящая книга зрелого страстного писателя. О ней много и хорошо говорят в Москве.

Как у тебя с деньгами, Василь? Я сейчас не очень крепко чувствую себя в этом отношении, т. к. «Щит и меч» на 50 листов написал, как ты знаешь, не я. Но если тебе нужны деньги или понадобятся, напиши. Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Будь здоров. Хорошего тебе рабочего настроения. Мне кажется, ты и сам еще не почувствовал, как ты неизмеримо и, в сущности, быстро вырос, как ты стал виден отовсюду.

Жму твою руку.

Твой Г. Бакланов.²

Сёння Грыгорый Якаўлевіч гаворыць:

— Кстати сказать, в той известной статье в «Правде», в которой Севрук ругал «Мертвым не больно», он одновременно похвалил мой роман «Июль 41 года». Мне было о-очень неуютно и отвратительно в этом сочетании — когда Быкова ругают, а меня хвалят. Другое дело — отзыв об этом романе Василя. Я тогда получил от него телеграмму... Обычно он писал мне в письмах «Григорий», редко — «Гриша», в тот же раз написал: «Дорогой Григорий, это лучшее из того, что написано...» Поймите правильно: я не хвалюсь — просто цитирую Быкова, как он мгновенно откликнулся на то, что его заинтересовало. Я же в этом романе писал о том, что 1941-й был результатом 1937 года

¹ Севрук В. Правда о великой войне // Правда. 1966. 17 апр.

² Хатні архіў В. Быкава.

и разгрома нашей армии Сталиным. Это была первая такая попытка рассказать правду, не случайно потом «Июль 41 года» в течение двенадцати лет был запрещен... Но все это я говорю к тому, чтобы Вы могли составить представление о наших отношениях с Василем, которые были дружескими и откровенными. Да мы, кстати, как потом выяснили, даже оба воевали на 3-м Украинском фронте в Венгрии».

«Не успел «Новый мир» закончить публикацию повести, как партийный официоз, газета «Правда», разразилась большой статьёй против журнала и его публикации. Характерно, что автором этой статьи явился молодой карьерист, слушатель высшего партийного колледжа (Академии общественных наук) В. Севрук, который был тут же замечен партийными бонзами и принят в штат сотрудников дома на знаменитой Старой площади. Началась бешеная травля журнала, его редактора, злополучной повести и ее автора».¹ «Мабыць, артыкул дужа спадабаўся галоўнаму ідэолагу КПСС тав. Суславу, бо аўтар неўзабаве быў пакліканы на Старую плошчу, дзе зрабіў нечуваную для правінцыйнага (здаецца, чукоцкага) журналіста кар’еру. Родам гэты чалавек быў з Беларусі і, мабыць, на гэтай падставе стаў галоўным дарадцам Суслава — сьпяраша па творчасці Быкава, а пасля і па ўсёй савецкай літаратуры».² Такім чынам з 1966 г. У. Сеўрук будзе працаваць у Аддзеле прапаганды і агітацыі ЦК КПСС.

«Чтобы по справедливости оценить все значение давней правдинской статьи В. Севрука, надобно представить себе степень идеологического остервенения, охватившего общественную жизнь страны весной 1966 года. Официальная политика круто поворачивала вправо, реабилитировался сталинизм, всякое начальственное слово в адрес литературного произведения воспринималось бюрократией как сигнал для расправы с автором. Тем более сигнал, поданный со страниц «Правды».³ А. Пяткевіч сёння гаворыць:

— Тое ж, што пачне адбывацца з «Мёртвым не баліць» у 1966 г., у нейкай меры стала нечаканым. З аднаго боку, было ўжо звыкла, што Быкава па-партыянаму крытыкуюць, — успомніць хаця б артыкул Н. Пашкевіча «Героі ці ахвяры лёсу?», калі той паставіў пад сумненне маральнае права пісьменьніка так пісаць. Аднак было нечакана, што супраць Быкава выступіла «Правда», — гэта было самае страшнае, таму што такім чынам і на творы, і на самім аўтары ставіўся, па сутнасці, крыж.

Сапраўды, публікацыя ў «Правде» ў тых часах была вышэй любога прысуду. І. Дзядкоў дзесяцігоддзем пазьней напіса (але надрукаваць свае нататкі зможа толькі праз яшчэ адно дзесяцігоддзе — калі ўжо дазволіць цензура): «Чтобы лучше прочувствовать, что произошло с повестью «Мертвым не больно» и что время от времени происходило с другими достойными литературными произведениями в 60-е, вроде бы просвещенные годы, нужно представить себе идеологическую ситуацию в стране, управляемую малоподвижными, догматическими и трусливыми умами. Наиболее эффективным и демократическим способом управления была публикация статьи в «Правде», возражать которой не полагалось. Статья могла быть подписана любым именем, известным и неизвестными, и сила ее была не в авторитете имени, не в авторской логике и таланте, а всего лишь в том, что она явилась именно на этих могущественных непорочных страницах и, надо полагать, в должный час. Резонанс был велик и долог, особенно когда его подкрепляли организационной работой в центре и на местах. Убедительность статьи от такой работы неизмеримо возрастала. Воспринимающее массовое сознание было воспитано на постоянном ожидании каких-нибудь каверз от писателей и прочих ненадежных интеллигентов, и всякие новые примеры идейных ошибок и срывов как бы продлевали это бдительное ожидание. К счастью, продление давалось все хуже и хуже: негласный духовный и нравственный авторитет «ошибающихся» возрастал».⁴

¹ Быков В. Мертвым — не больно, больно — живым. С. 144.

² Доўгая дарога дадому. С. 247.

³ Быков В. Перекрывать кислород они умели // Литературная газета. 1990. 23 мая.

⁴ Дедков И. Василь Быков: Повесть о человеке, который выстоял. М.: Советский писатель, 1990. С. 236-237.

Што датычыцца «организационной работы на местах», дык, як у хуткім часе засьведчыць А. Карпюк, супрацоўнікі КДБ пачнуць у гарадзенскіх школах «чытаць лекцыі пра бдзіцельнасьць, прыводзіць прыклады, што побач з Сняўскім, Даніэлем і наш Быкаў, бачыце, пісаў творы, якія накіраваны на падрыў Савецкай улады і разлагаюць моладзь. [...] На партактыве першы сакратар абкама Міцкевіч аб'явіў усім, што Быкава ўжо апрацоўваюць італьянскія фашысты і нейкая прафашысцкая газетка ўзяла яго на ўзбраеньне».¹

Па Быкаву «страляюць» з усіх «буйна-» і «малакаліберных» перыядычных выданняў СССР: часопісы «Москва», бурацкі «Байкал», растуўскі «Дон», беларускі «Польмя», газеты «Красная звезда», «Правда»... «Наверное, каждое партийное издание в столице и провинции считало своей обязанностью напечатать разносную статью о произведении, «оклеветавшем священный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне», «черными красками измазавшего героические образы защитников Родины», «искажившем сущность нашей борьбы с немецким фашизмом», «вбивающем клин в дружбу украинского и белорусского народов». Как это у нас принято, со статьями выступали не только профессиональные литераторы или журналисты, но и рядовые читатели, бывшие фронтовики и партизаны. Маршал Конев с гневом клеймил повесть в «Военно-историческом журнале», оспаривая авторскую концепцию на том основании, что за Кировоградскую операцию 1944 года, на фоне которой разворачиваются события в повести, он, как командующий фронтом, был удостоен ордена Ленина. Знатки литературы, языка и стилия предъявляли автору массу специфических претензий, фронтовики — «изобличали» в военных неточностях, партийные идеологи нарекали на нарушение принципов марксистско-ленинской эстетики. Но никто ни в одной статье не обнаружил предмета своей истинной заботы, ради которой и начался весь этот сыр-бор: дерзкого посягательства автора на чистоту чекистского мундира, в который был облачен один из главных персонажей повести — штабной капитан Сахно. Все делали вид, будто Сахно — обычный строевой командир (иные напирали на то, что он украинец, хотя в действительности он мог быть белорусом, или русским, или принадлежать к любой другой славянской национальности), капитан, которого в зловерных целях оклеветал автор. Этот избитый прием подмены давал авторам статей основание зачислять автора повести в разряд антипатриотов и клеветников на славное офицерство Советской Армии».²

Нейкую рысу пад той крытыкай, якая абрынулася на аўтара «Мёртвым не баліць», пасяля падвядзе часопіс «Дружба народов», які, у сваю чаргу, хутчэй за ўсё абараняў Быкава, калі пісаў: «Мы вовсе не пытаемся оградить повесть В. Быкова от критических замечаний, но мы вправе настаивать на долге каждого литературного критика, решившегося оценить талантливо написанное, однако очень спорное произведение, всесторонне и профессионально анализировать вещь, не поддаваясь инерции осуждения, не выискивая пороков в тех произведениях, где они вовсе не водились, если даже, как справедливо отмечала «Правда», «прозаик, создавший не одно полезное произведение, на этот раз пошел по узкой дорожке одностороннего изображения жизни». Кстати сказать, последние рассказы В. Быкова, опубликованные на страницах «Дружбы народов» и «Юности», лишний раз свидетельствуют о неправомерности «проецирования» отдельных неудач писателя на все его творчество. Действительная, партийная литературная критика не имеет ничего общего с инертной категоричностью, подозрительностью, натяжками в критических суждениях — ведь писатель и читатель ждут от советского критика искреннего, доброжелательного, по-хозяйски бережного отношения к литературе».³

Самога пісьменьніка цікавіць у той час іншае: «Цікава, што ўвогуле аўтара білі за што заўгодна — паклёп, прыніжэньне, скажэньне, — але нідзе не было сказана ніводнага слова пра СМЕРШ, ці НКВД, ці КДБ. Быццам напісанае ў

¹ З выступленьня А. Карпюка на V зьездзе пісьменьнікаў БССР. БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 179. Стэнаграма.

² Быков В. Мертвым — не больно, больно — живым. С. 144.

³ Бучис А. Над картой критики // Дружба народов. 1967. № 3. С. 246-247.

аповесці ня мела ніякага дачынення да гэтых «органаў». Я чытаў і ня мог даўмецца: што гэта? Знарок ці непаразумеўне?

«Мёртвым не баліць» была аб'яўлена безумоўнай няўдачай аўтара. Але аўтару важнай была не ацэнка твору, не адносіны да яго начальства, а тое, ці сапраўды гэта — *няўдача*? Тое важна было для маіх наступных задумаў, бо, як пісаў У. Фолкнэр, «няўдача для мяне вышэй за ўсё. Пачаць нешта, што табе не пад сілу, — ты нават ня можаш спадзявацца на посьпех, але ўсё ж спрабаваць і стрываць паразу, пасля спрабаваць зноў. Во для мяне ўдача». Зразумела, я ня мог раўняцца з Фолкнэрам, але і ягоны вопыт тады быў для мяне важны». ¹ І праз гады, падчас гутаркі з Віктарам Дашуком, скажа: «Крытыка от меня ждала одного, я ей давал нечто другое. Ну, очевидно, чтоб понять природу такого явления, надо иметь ввиду, что все-таки у нас литература — да, наверное, все искусство — развивается с некоторым опережением критики. То есть практика литературы опережает критику этой литературы. [...] Поэтому если говорить о литературе о войне, то она заглянула гораздо дальше, чем видела критика того времени. И вот критика, конечно, возмутилась, потому как она же не заглядывала в завтрашний день — она оперировала сегодняшним днем. А вот некоторые авторы посмели заглянуть, так сказать, вперед. И этот взгляд для критики был неожиданным, новым, наверное, непонятным и отчасти возмутительным. Именно по этой причине, я считаю, появились статьи, в которых начисто зачеркивались какие-то мои произведения. Получилось так, что опыт фронтовиков и мой личный опыт, как автора, ничего не значил перед критериями некоторых критиков [...]». ²

А тады, у другой палове 60-х, «писатели из других мест — знакомые и незнакомые — также прислали [...] письма поддержки и утешения. В их числе известные имена В. Некрасова, К. Кулиева, Д. Гранина, К. Симонова, В. Каверина, М. Пархомова, М. Бажана, С. Смирнова, В. Тендрякова. Пришло суровое и мужественное письмо от А. Солженицына и даже от кое-кого из высокопоставленных военных, например, командующего Закавказским военным округом генерала армии А. Стученко. Их поддержка и понимание запомнились надолго. Они укрепили уверенность автора в избранном им творческом методе, основу которого составляла правда, как бы к ней ни относились сильные мира сего». ³

«6 мая 1966 г.

Дорогой Василь!

Мы с Вами не знакомы, но после последней Вашей вещи и всего, что вокруг нее произошло, мне кажется, что мы знакомы уже тысячу лет.

Главное — плюйте на все! У Вас появилось именно сейчас миллион читателей, а это главное. Гады пытаются Вас топтать (все равно не получится!), а не-гады пьют за Ваше здоровье, и пренебрегать этими тостами не стоит.

Короче — молодец!

Крепко жму руку.

Ваш В. Некрасов. [...]». ⁴

«Редакции журнала «Новый мир»

г. Москва

В 1 и 2 номерах журнала «Новый мир» 1966 года я прочел повесть В. Быкова «Мертвым не больно». Был взволнован той правдой Быкова, какую он показал в

¹ Доўгая дарога дадому С. 248.

² Стэнаграма: Дашук В. Василь Быков. Восхождение // Беларусьфильм. Творческое объединение «Летапіс». 1985.

³ Быков В. Мертвым — не больно, больно — живым. С. 145.

⁴ Дзяржаўны музей гісторыі беларускай літаратуры (далей — ДМГБЛ). КП 10735/789.

своем произведении. Пусть спорят такие, как Мигунов, который в заметках критика, помещенных в газете «Красная звезда» от 14.5.67 г. обвиняет Быкова, как я понял, слишком в «большом реализме». Он обвиняет потому, что, видимо, сам в глаза смерти не смотрел, не видел и настоящей войны. А Быков и то и другое видел.

Правда нам нужна. Иначе никто и никогда уроков из пережитого не извлечет, а значит и не найдет своего места в борьбе за человечество, за его будущее.

Спасибо и вам, товарищи редакторы, что вы проявили мужество и поместили эту повесть. Если можно, ознакомьте с этим письмом товарища Быкова, а если хотите, то и тов. Мигунова.

Генерал армии

А. Стученко.

31 мая 1967 г.

Секретариат Командующего Войсками ЗакВО [...].¹

Да таго ж цікавасьць да аповесці не адзін год будуць працяўляць замежныя выдаўцы і перакладчыкі:

«Швайкгейм, Зап[адная] Германия. 31 марта 1966 г.

Уважаемый Василий Владимирович!

Разрешаю себе надежду, что Вы меня еще не забыли — с встречи во время прошлогогоднего съезда Европейского содружества писателей в Риме. А напоминаю теперь о себе вот по какому поводу.

В разных западных газетах появились сообщения о Вашем новом романе, пользующемся в настоящее время в Советском Союзе большим успехом. Мне не известно точное его оригинальное название — по реконструкции из разных иноязычных переводов заголовка получается вроде так: «Мертвые не чувствуют боли». (Или, м. б., в оригинале старославянское «Мертвые сраму не имут»?)

Здесь, в Западной Германии, романом сильно заинтересовалось гамбургское издательство «Клаассен», в котором моя жена [...] и я имеем знакомства. Издательство уже обратилось с запросом в Союз советских писателей в Москве [...], я же, в свою очередь, обращаюсь теперь лично к Вам с просьбой сообщить, согласны ли Вы на немецкий перевод и издание этого Вашего произведения, и в случае согласия — не отказать в любезности переслать мне напечатанный в СССР текст его.

Хочу Вас при этом уверить, что намерения и издательства, и наши с женой, как переводчиков, самые серьезные: не искание какой бы то ни было сенсации, а объективное ознакомление западно-немецкого читателя с молодой советской литературой, так мало еще, к сожалению, ему известной. В нашем сотрудничестве мы опубликовали уже здесь произведения Тынянова, Эйзенштейна, стихи Пастернака, Ахмадулиной и пр. [...]

Уважающий Вас

*Костецкий, Игорь Вячеславович.*²

«Берлин, 11 мая 1967 г.

Многоуважаемый г. Быков!

В прошлом году я прочитал с большим очарованием и с эмоцией Ваш роман «Мертвым не больно».

Моя симпатия для этой книги относится тоже на ее литературное, гуманное и политическое зрение.

Поэтому наше издательство решило опубликовать немецкое издание Вашего романа. Мы пытались еще и еще раз установить связь с Вами.

Когда нам это не удалось, мы организовали перевод и опубликование Вашей прекрасной и потрясающей книги. Может быть, Вы уже слышали, что одна из значительных немецких ежедневных газет опубликовала этот роман с продолжениями.

¹ ДМГБЛ. КП 10735/811.

² Там же, КП 10735/817.

Но теперь, когда и наше издание выходит в свет, я хотел бы еще раз попробовать достигнуть Вас.

Неясные обстоятельства, существующие между нашими странами относительно «Соруight», не должны служить ни мне, ни нашему издательству для того, чтобы отрезаться от того отношения, которое должно существовать между автором и издательством. Отношение, которое должно существовать не только на письменном секторе, но тоже в сфере доверия.

Я хочу Вам, многоуважаемый г. Быков, вместе с несколькими экземплярами немецкого издания Вашей книги — которые Вы получите экстренно — сказать, что для нас это большое удовлетворение — считать Вас нашим автором и иметь Ваш роман в нашей программе.

Я надеюсь, что Вы заметили, сколько тщательности мы посвятили не только по отношению перевода и издания, а тоже насчет рекламы, газетных сообщений и текста на обложке, чтобы сохранить Вас и Ваш роман от всякой ложной интерпретации и злоупотребления.

Я думаю, что мне не надо подчеркнуть, что я не намерен следовать той тактике, которая стала традицией уже много лет между русскими авторами и немецкими издателями и немецкими авторами и русскими издателями.

Само собой разумеется, что я держу на специальном счете к Вашему распоряжению гонорары, которые получают немецкие или западноевропейские авторы издательства.

Надо только несколько слов относительно употребления, и мы все сделаем по желанию; предположим, Вы желаете взять деньги в течение Вашего путешествия в Европе и Америке или Вы предпочитаете денежный перевод в Вашу родину.

Мое до сих пор неисполнимое желание достигнуть Вас относится тоже на другие возможные западноевропейские и американские издания этой книги. Разные издатели обратились к нам с запросом, с справкой и с предложением. Я до сих пор реагировал очень осторожно и сдержанно, потому что я не мог застать Вас.

Теперь, многоуважаемый г. Быков, я нахожусь в связи с американскими и голландскими издателями, которые хотят опубликовать Вашу книгу на соответствующих языках [...].

Извольте прислать мне несколько строк, что Вы не заявляете протест против соблюдения Ваших интересов со стороны нашего издательства, которому предлежат Герхард Гауптман, Жироду, Кокто и многие другие авторы современной литературы.

Это ясно, что мы будем заведовать и сохранять для Вас все возможные доходы. Мы гарантируем Вам — как каждому автору нашего издательства — защиту, надежность и влияние.

Я очень надеюсь сегодня или завтра приветствовать Вас в Западной Европе. Может быть, предоставится возможность поехать мне в Вашу страну, тогда мы могли бы вместе переговорить все, что в этом письме только намекнуто. [...]

Сердечно преданный Вам

Wolf Jobst Siedler.¹

...Ужо шмат пазней літаратуразнаўцы з іншых пазіцыяў прааналізуюць «Мёртвым не баліць». Сярод іншага крытыкі адзначаць «антыпсіхалагізм» вобраза Сахно. Л. Лазараў, у прыватнасці, напіша: «Необузданное чувством художественной соразмерности «авторское негодование», о котором поминает А. Бочаров, и явилось причиной того, что Сахно получился у Быкова одноплановым, одноцветным, куда менее сложным, чем, видимо, был задуман. Вспоминая Сахно уже после войны — это и дает основания говорить о том, что задуман был его образ по-иному, — Василевич двумя-тремя фразами создает представление о характере непростома, во всяком случае не сводящемся, как это получилось, к одной, в общем-то, черте:

¹ ДМГБЛ. КП 10735/818.

«— Нет, он-то не предатель.

— Трус?

— И не трус. Иногда он даже был храбрым. И другим трусить не давал.

— Строгий?

— Строгий — не то слово. Скорее жестокий», — таким через много лет рисуется Василевичу Сахно.

Увы, в вести этого нет. Сахно здесь и потенциальный предатель, и заведомый трус. Логика идеи, заложенной в основу образа, проведена слишком жестко и в ущерб логике характера.¹

Але справа ў тым, што ў арыгінале гэты фрагмент выглядаў інакш:

«— Ведаеце, а я прыняў вас за другога, — шчыра прызнаюся я. — За аднаго свалочнага чалавека.

Гарбацок спагадліва здзіўляецца.

— Мусіць якога здрадніка?

— Не. Здраднікам яго не назавеш.

— Трус?

— І не трус. Хутчэй свядомы, хладнакроўны шкурнік. Людзі для яго былі пешкі. А ён сабе — бог.

— Строгі значыць?

— Дурны і бязлітасны».²

Праўкі былі ўнесеныя аўтарам падчас рэдагавання як у «Маладосці» (1965. № 8. С. 27), так і ў «Новом мире» (1966. № 2. С. 9).

Што ж датычыцца «рэмаркізму», у якім пісьменьніка абвінавчвалі яшчэ ў 60-я гг., дык, адказваючы пазней на журналісцкае пытаньне, Быкаў меў магчымасьць растлумачыць сваю пазіцыю: «Разумеется, я обижался на многие несправедливые обвинения в свой адрес, но только не на этот укор. В то время я уже хорошо знал, что навешивание ярлыков и обвинений во всяческих «измах» — отработанный прием определенного толка критиков, но что касается Ремарка и особенно его известного романа, то я слишком уважал этого автора, чтобы обидеться за причисление к его последователям. Ремарк — большой писатель-гуманист, пришедший к нашему читателю в благодатное для нас время и добротворно потревоживший своими образами наши вдруг посветлевшие головы».³

«Я ім не Го Мажо»

12-14 мая 1966 г. у Менску праходзіць V зьезд Саюза пісьменьнікаў БССР, падчас якога старшыня праўленьня СП БССР П. Броўка, маючы на ўвазе «Мёртвым не баліць», гаворыць літаральна наступнае: «Васіль Быкаў пісьменьнік таленавіты, я ўпэўнены, зразумее сапраўдную сутнасьць партыйнай крытыкі, перапрацуе свой апошні твор карэнным чынам і ў далейшым яшчэ ня раз парадзе нас праўдзівымі, высокамастацкімі творамі і давядзе, што толькі творы, адзначаныя вялікаю праўдаю жыцця, усім сваім зьместам служаць народу». Праўда, пры гэтым Броўка зробіць адну істотную заўвагу: «Некаторыя крычаць аб тым, што закрэсьліваецца ўсё створанае Быкавым. Я хацеў бы, каб усе зразумелі, што ніхто не закрэсьлівае і не збіраецца закрэсьліваць усяго добрага, што зроблена здольным аўтарам. Зробленае ім таленавіта заслугоўвае шырокага распаўсюджваньня, але мінаць памылкі мы ня маем права».⁴ У сваю чаргу адзін з судакладчыкаў (у галіне прозы) — Іван Навуменка — ад-

¹ Лазарев Л. Василь Быков: Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1979. С. 82-83.

² БДАМЛіМ. Ф. 37, воп. 1, адз. зах. 366, арк. 39.

³ Трава после нас / Инт. Ф. Медведева с В. Быковым // Огонек. 1987. № 19. С. 2.

⁴ Партыйнасьць і народнасьць — галоўная лінія беларускай мастацкай літаратуры: Доклад старшыні праўленьня Саюза пісьменьнікаў Беларусі Пятруся Броўкі // Літаратура і мастацтва. 1966. 13 мая.

значыць, што «Васіль Быкаў піша суровую, цяжкую праўду аб Айчыннай вайне, і пралікі яго апошняй аповесці «Мёртвым не баліць» [...] выкліканыя перш за ўсё прычынамі мастацкага характару. У гэтай значнай па памеру аповесці — канфлікт лакальны, на абраным пісьменьнікам пятакчу зямлі ды і на працягу вельмі кароткага часу цяжка даць паўнакроўнае жыццё ўсім героям».¹

Слова дадуць і самому Быкаву. Многія чакаюць ад яго пакаяння ў духу кітайскага пісьменьніка і літаратуразнаўцы Го Мажо, але дарэмна — Быкаў скажа напрыканцы свайго выступлення: «Магчыма, сказанае ня ўсім падабаецца. Можна быць, замест яго каму-небудзь хацелася б пачуць ад мяне пакаяння ў духу Го Мажо, але ў наш час падобныя пакаянні, як гэта красамоўна засьведчыў учора Макаёнак, танна каштуюць. Таму ня будзем ліцамерыць. Мы ня ворагі народу і не падрываальнікі асноваў савецкай улады, адданацьць якой у свой час засьведчылі ўласнай крывёю. Да таго, мы не патрабуем незвычайнага, мы толькі просім больш цяпымасці. Пастаўце сябе на нашае месца і вы зразумеце, што выбар у нас невялікі. Пытаньне стаіць так: або літаратура, або нелітаратура. Сярэдзіны — няма».² Невыпадкова пасля гэтых словаў раздадуцца апладысьменты, а прэзідыум дэманстратыўна пакіне кандыдат у члены Палітбюро ЦК КПСС, першы сакратар ЦК КПБ П. Машэраў.

«Як сёння памятаецца момант, калі за трыбуну выйшаў Васіль Быкаў і пачаў гаварыць. Простыя, строга вывераныя словы, глухавата-напружаны голас.

Гаварыў ён пра літаратуру, але і ня толькі пра яе. [...]

І пасля першых некалькіх фразьць пісьменьніка, можна сказаць, у самым пачатку яго выступлення ў прэзідыуме сходу раптам адбыўся непрадугледжаны рытуалам рух: Машэраў дэманстрацыйна ўстаў, хуткім крокам перасек сцэну і зьнік за кулісамі. Папросту — уцёк...

Усе зразумелі: «гаспадар» злуецца, «гаспадару» штосьці не да спадабы».³

Тут трэба прыгадаць, якім менавіта чынам рыхтавалася быкаўскае выступленьне. Напярэдадні зьезду да Быкава ў Гродна нечакана завітаў ягоны перакладчык М. Гарбачоў, — гаварыў, што «ў ЦК КПСС падняўся вялікі скандал, рыхтуецца закрытая пастанова на гэты конт, якая чорт ведае што можа нарабіць. Таму трэба папярэдзіць — прызнаць крытыку і павініцца. Найлепш таемна, у выглядзе асабістага ліста ў ЦК».⁴ Але Быкаў не згаджаецца і піша прамову зусім іншага зместу. Як сьведчыць В. Аскоцкі, Быкаў сказаў тады: «Нет, эти советы оборонительные, а я буду не обороняться, а наступать».⁵

Большасьць пісьменьнікаў, трэба думаць, будзе на баку Быкава — ва ўсялякім разе яго выступленьне неаднойчы будзе перарывацца апладысьментамі, да таго ж некаторыя адкрыта выступаць у абарону «Мёртвым не баліць» і самога аўтара. Так зробіць, у прыватнасьці, В. Хомчанка:

«...Я хачу сказаць некалькі слоў наконт аповесці Васіля Быкава, па якой можна і трэба паспрачацца. Але я ня згодзен з крытыкай, якая цалкам закрэсьліла гэты твор. У прыватнасьці, я маю на ўвазе артыкул Барэнца і Лашкова ў газеце «Красная звезда».

Вы памятаеце, што ня так даўно Васіль Аксёнаў напісаў апавяданьне пра шафэра таксі — хапугу. Толькі паявілася гэтае апавяданьне, як у «Известиях» адразу паявілася пісьмо шафэра 1-й ялцінскай аўтабазы аб тым, што Васіль Аксёнаў ачарніў усіх шафэраў таксі. Вы ведаеце, што гэта пісьмо было надрукаванае з каментарыямі газеты наконт таго, што вось да чаго можа дакаціцца пісьменьнік, які, напісаўшы пра аднаго рвача-шафэра, паклаў пляму на ўвесь слаўны шафэрскі рабочы клас.

Мне здаецца, што такі метады кіраваньня літаратурай асуджаны, і гэты рэцыдыў ня

¹ Сем гадоў пошукаў і зьдзяйсньняў: Судаклад Івана Навуменкі // Літаратура і мастацтва. 1966. 13 мая.

² БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 92-93. Стэнаграма.

³ Кудравец А. На крыжы часу // Наш Быкаў. С. 204.

⁴ Быкаў В. Доўгая дарога дадому. С. 254.

⁵ Оскоцкий В. Через годы — через жизнь.

будзе паўтарацца. Мне здаецца, што і некаторыя іншыя артыкулы пра тых ці іншыя творы таксама падобны на гэта пісьмо шафэраў, падрыхтаванае нейкай афіцыйнай рукой.

Пісьменьнік Васіль Быкаў напісаў добрую, высокамастацкую аповесьць «Трэцяя ракета». Гэтая аповесьць пра ўпартасьць, гераізм нашых салдат, якія цвёрда стаялі на пазіцыі і не адступалі. Гэта кніга [...] такая, якую салдаты разам з кнігай пра Паўку Карчагіна будуць насіць у сваіх рэчавых мяшках. [...]

Калі ж Быкаў пісаў аповесьць «Мёртвым не баліць», ён меў іншую накіраванасьць, ён меў іншую ідэю. У гэтай аповесьці ён рашыў паказаць тое, што перашкаджала, шкодзіла нам на вайне, у тых цяжкіх умовах вайны, калі побач з яго героямі, такімі героямі, як у «Трэцяй ракеце», былі і подласць, і здрада, і іншае.

У аўтара баліць сэрца, як у нас з вамі ўсімі, за тых людзей, якія загінулі на вайне, але не ў баі, а ад рук Гарбаццоў і Сахно. Аўтар гаворыць — будзьце пільнымі, не дазваляйце, каб паўтараліся росквіты Сахно і Гарбаццоў.

Адкуль бяруцца такія Гарбаццоў і Сахно? Мы ведаем, што гэта прадукт культуры асобы. Але могуць нараджацца з тых піянераў, якіяносяць чырвоныя гальштукі. Гэта сыляпыя выканаўцы. Яны могуць зьявіцца ў другі час і пры розных варыянтах.

Напрыклад, возьмем такі недалёкі час наш. Адночы нашы кіраўнікі наведалі мастацкую выстаўку ў Маскве. Там было зроблена шмат слушных заўвагаў. Але многім мастакам былі даны без падставаў ярлыкі абстракцыяніста і г. д. І пасля гэтага ў гарадах і абласцях паявіліся выканаўцы сыляпыя, якія ўсё сталі называць абстракцыяй, калі тое не ўладкавалася ў яго ў галаве, у яго паняцці. (*Апладысьменты.*) І вось, калі гэтыя выканаўцы так будуць адносіцца да ўсіх мерапрыемстваў нашай партыі, якія служаць нашаму народу, то, безумоўна, з іх атрымаюцца Гарбаццоў і Сахно.

Нашым суддзёй павінна быць сумленне, партыйныя адносіны да выканання любой дырэктывы, якая выпушчана ў свет. Мы не павінны быць сыляпымі выканаўцамі. Карацей кажучы, трэба выконваць усё з розумам».¹

У сваю чаргу А. Карпюк скажа:

«Аднак і сёння яшчэ часам, каб пражыць чэсна і сумленна адзін дзень і гаварыць усім праўду, то душэўных сіл дабыць трэба куды болей, чым касманаўту зьятаць у космас. (*Апладысьменты.*)

Пісьменьніку, мабыць, дастаецца найбольш. Калі фізік ці хімік зрабіў адкрыццё, то ўсе яго калегі Савецкага Саюзу адразу бяруць ноўшаства на ўзбраеньне, і наступная думка разьвіваецца ўжо з улікам гэтага дасягненьня. Калі ж пісьменьнік напісаў рэч, якую дагэтуль яшчэ не пісалі, то пакуль дойдзе яна да народу, аўтару часамі трэба патраціць куды больш сілы, чым для напісаньня.

Нікому ня прыйдзе і ў галаву зьбіраць хворых і дазволіць ім вырашаць, як урачам лячыць. Возьмем інжынераў-электрыкаў: не зьбіраць жа жыхароў камунальных квартэраў, каб тых вырашалі, якой канструкцыі і з якога матэрыялу мае быць кацёл электрастанцыі. У адносінах да пісьменьнікаў такія выпадкі — нармальныя. [...]

Ствараецца ненармальнае палажэньне на нашым фронце. Часам адмаўляецца права аўтару на паказ заганых бакоў нашага жыцця. [...]

Я, камуніст, не хачу выступаць супраць крытыкі ў партыйным друку. Аднак быў бы я дрэнным марксістам, калі б бачыў непарадак у нашай прапагандзе і з-за пакорнасьці і бяздумнага падпарадкаваньня прамаўчаў, не падказаў партыйным органам на недахоп, не спрабаваў прадухіліць недарэчнасьць. У гэтым бачу свой абавязак савецкага грамадзяніна.

Эх, каб усе артыкулы пра Быкава мелі адно яшчэ і тых скуткі, што людзі па бібліятэках рынуліся чытаць яшчэ раз нашага і так шырока вядомага і таленавітага грод-

¹ БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 158, 159—160. Стэнаграма.

зенца. Бяда ў тым, што сігналы зверху пакуль дойдучь да нізу, у нас часамі становяцца вульгаршчынай. [...]

Рана-рана, ой, яшчэ рана выдаюць нам на пёры гумовыя наканечнікі. Ужо на-стаў момант, каб ад асобных думак у літаратуры, ад сьмелых выступленьняў на сходах, мы пераходзілі да разважлівага і сумленнага разбору і праз творчасць таго, што старэйшае і сярэдняе пакаленьне перажыло.

Пасья XX, XXII зьездаў, дзякуючы клопатам партыі ідзе якаясьці гіганцкая мазгавая работа ў галовах людзей, яны як бы раптам прачнуліся і зірнулі на свой жыцьцёвы шлях па-новаму. Калі ты сумленны літаратар і працуеш ня толькі для начальства, не для ганарару, — прачынайся, бо толькі тады ты зможаш паказаць сутнасьць.

Партыя ад нас патрабуе быць прынцыповымі, не абменшчвацца, быць шукальнікамі ісьціны. Труслівае маўчаньне пра адмоўнае — шкоднае. Гэта брахня, што крытыкаваць лягчэй.

Я згодзен з Макаёнкам. Кранаць балячкі нялёгка. Адвечная барацьба добра са злом патрабуе сілы і адвагі, як слушна сказаў у «Известиях» дэлегат XXII зьезду Міхаіл Дудзін. Калі мы кажам, што літаратура вучыць людзей, то вучыць яна павінна на мужнасьці. Эстафета мужнасьці — бесканечная. Мы, будаўнікі новага грамадства, павінны вытрываць і несці яе, бо ў муках яе несці пакаленьні папярэднікаў.

Дык няхай нас не асьляпляюць дасягненьні тэхнічныя: машыны — не літаратура і душы чалавечай не ўзьнімае. [...]

Памятаючы гэта і глядзячы на дасягненьні нашых вучоных і тэхнікаў, хочацца зьвярнуцца да некага з пераканаўчай просьбай: «Давайце кіраваць літаратурай больш стрымана, абгрунтавана і пераканаўча ў духу XXII зьезда, з улікам псіхічнага стану пісьменьніка, каб крытыка дапамагала, а не траўміравала. Калі пісьменьнік і сарвецца, то разглядаймо яго промах з сяброўскай павагай і спачуваньнем, — не ўяўляю сабе сучаснага беларускага пісьменьніка, які б тварыў нешта з мэтай пашкодзіць Радзіме. (*Апладысьменты.*)

Дарагія таварышы, мазгі не каробка скарасьцей, пад стандарт іх не падгоніш ніякімі рашэньнямі, артыкуламі. Напрыклад, я і зараз лічу, што «Мёртвым не баліць» — з аддзельнымі недахопамі — выдатны твор нашай літаратуры (*апладысьменты*) і дай бог кожнаму напісаць так, як напісаў наш гродзенец. Магчыма, у мяне гаворыць мясцовы патрыятызм, гэта мая асабістая думка. Я не драўляны і не стары. Я яшчэ чалавек шукаючы, паспрабуйце мяне пераканаць. І я прыму вашу думку, калі пераканаеце, і нават папрашу ў вас прабачэньня. А так: біце мяне, рэжце, мучце, што з таго, калі гэта мая асабістая думка, маё сумленьне.

І наўны будзе, дурнем будзе той чалавек, які падумае, што я горшы камуніст, грамадзянін і патрыёт Радзімы за таго, што, прачытаўшы аповесць, віншаваў аўтара. На канфэрэнцыі чытачоў хвалілі «Мёртвым не болит», а прачытаўшы неабгрунтаваны, аднабаковы, ачарніцельны артыкул у «Савецкай Беларусі», адразу стаў думаць інакш. (*Апладысьменты.*)

Выступленьне прэсы не прыносіць карысьці, калі яно ніжэй сярэдняга ўзроўню літаратурнай сьведомасьці чытачоў, таму людзі такую крытыку ўспрымаюць, як праявы мінулага. Крытыка будзе тая эфэктыўная, калі пісьменьнік убачыць, што навокал сябры, а не ідэйныя праціўнікі. І пара нам, беларусам, падыходзіць ужо да сябе з сусветных крытэрыяў, — мастацтва не прызнае граніц, а мы ўжо вырасьлі з пялюшак. Давайце будзем заўсёды памятаць, што пісьменьнік — звычайны чалавек, таму і памыляецца, асабліва калі бачыць да сябе нядобразычлівасьць».¹ І ўжо ў якасьці рэзюмэ: «Давайце ствараць адпаведную атмасферу і пісьменьнікам. Адкіньце старыя прыёмы. Не тузайма літаратуру. Не арганізуйма калектыўных зьбіеньняў, ня вешайма на іх ярлыкоў. Калі

¹ БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 172, 173, 178—179, 189—192. Стэнаграма.

² Там жа, Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 192. Стэнаграма.

каму няма чаго сказаць, то ў творах, напісаных аголенымі жыламі і нервамі пісьменьніка з-за вялікай любові да Радзімы, або ў такіх жа выступленьнях не шукайце прошкаў варажэй прапаганды. І тады ў нашай краіне зьявіцца літаратура, якая авалодае душамі людзей зямнога шару».² Дарэчы, гэтае выступленьне Аляксею Карпюку яшчэ неаднойчы прыгадаюць, напрыклад, калі ў 1970 г. будуць вызваляць з пасады сакратара Гарадзенскага аддзяленьня СП, — тады М. Ткачоў скажа наступнае: «Здольны пісьменьнік, у мінулым мужны падпольшчык і воін, Аляксей Карпюк з нейкага часу пачаў губляць пачуцьцё грамадзянскай адказнасьці за сваю дзейнасьць і ў сваіх паводзінах дапусьціў шэраг буйных памылак. Мы помнім яго няправільныя, з разьлікам на танную сенсацыю выступленьні на V зьездзе пісьменьнікаў БССР [...]».¹

Іншыя ж, пагадзіўшыся з крытыкай крамольнай аповесьці, між тым заўважалі, што нельга ставіць крыж на ўсёй творчасьці таленавітага пісьменьніка, так, як гэта зрабіла «Советская Белоруссия» — гэта меркаваньне, у прыватнасьці, М. Пасьлядовіча, А. Яскевіча:

«У нас пэўная група людзей вельмі нецярпіма адносіцца да крытыкі. Мы ўвесь час клянемся, што будзем паважаць крытыку, таму што яна рухае справу наперад. Але калі справа датычыць самога сябе, мы яе ня любім. У нас атрымаўся перакос у бок таго, што мы хвалім і тыя творы, якія трэба крытыкаваць. А калі пачынаем хваліць, дык забываемся на ўсякую меру. Людзі прывыкаюць да славы і потым крытыку лічаць нападам на свой аўтарытэт.

Мне здаецца, што гэта ж і атрымалася з Васілём Быкавым. Я вельмі паважаю яго талент. Я чытаў усе яго творы, але апошнія яго аповесьці «Мёртвым не баліць» мне не спадабалася. Мне здаецца, што ў рэдакцыі, якая рыхтавала гэтую кнігу, можна было сказаць т. Быкаву, што трэба папрацаваць над ёю, маглі б даць яму заўвагу. Я ня ведаю, як ён ставіцца да крытыкі, але мне здаецца, мяркуючы па ўчарашняму выступленьню, вельмі нецярпіма. І Янка Купала, і Якуб Колас, і Зьмітрок Бядуля былі вельмі ўдзячныя, калі крытыка была разумнай і разважлівай.

Па-мойму, крытыкавалі Васіля Быкава правільна.

У адносінах да артыкулу ў газэце «Советская Белоруссия». Там перагнулі палку. Замест таго каб гаварыць пра апошнюю аповесьць, там усё згрукоталі ў адну кучу і пачалі таптацца бяз меры. Калі ідзе гутарка аб творы «Мёртвым не баліць» — гэта адна адна спроба, але тут прыбавілі і яго ранейшыя творы».²

«Ва ўсіх на памяці, як з чыста той жа правінцыяльнай апантанасьцю ў час вядомых сакавіцкіх сустрэчаў было зробленае паляваньне на ведзьм па вышукваньні ў нашай літаратуры фармалістаў [...]».

Вось і нядаўна з жорсткай адміністрацыйскай нецярпімасьцю і нейкай азлобленасьцю артыкулам у газэце «Советская Белоруссия» наш вядучы пісьменьнік В. Быкаў, па сутнасьці, пастаўлены па-за літаратураю.

Я хачу адно падкрэсьліць, што закрэсьленьня ня толькі апошнія творы «Жураўліны крык», «Зрада», «Грэция ракета».

Вуснамі дэлегатаў на XXIII зьездзе нашая партыя канчаткова пахавала малейшыя спробы вярнуць змрочныя часы культу асобы. Ці то гэта маё асабістае ўражаньне, але ад артыкулу аб творчасьці Быкава, што зьмешчаны ў «Советской Белоруссии», вельмі знаёма патыхнула славеснай жорсткасьцю тых часоў. Вельмі да часу было зьяўленьне ў газэце «Правда» артыкулу аб ваеннай літаратуры апошніх год, дзе даецца ўвогуле вельмі высокая ацэнка творчасьці Быкава. І тая крытыка, што там ёсьць у адрас пісьменьніка, яна добрачыліва зацікаўленая, з верай у творчыя сілы аўтара».³

¹ Пратакол № 10 пасяджэньня сакратарыяту СП БССР ад 11 мая 1970 г. БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 187, арк. 146.

² З выступленьня М. Пасьлядовіча. БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 228-229. Стэнаграма.

³ З выступленьня А. Яскевіча. БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 258. Стэнаграма.

⁴ БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 110. Стэнаграма.

У сваю чаргу І. Шамякін напрамую зьвернецца да Машэрава: «Пётр Міронавіч, мы ня можам згадзіцца з тым, што перад зьездам некаторыя нашыя газеты ў нашых пісьменьніцкіх выступленьнях пачалі выкрэсьліваць імя Быкава. Гэта таксама ненармальная зьява», — гэтыя яго словы будуць перарваныя апладысьментамі.⁴ Праўда, Іван Пятровіч гаварыў разам з тым: «Кожны з нас, хто стварыў што-небудзь вартае ўвагі, ведае з уласнага вопыту, як гэта хораша садзіцца за стол і не адчуваць, што над табой вісіць нейкая крытычная дубінка. А на старонках часопісаў, газетаў, на вусных дыспутах і абмеркаваньнях сустракацца ня з крытыкамі-ворагамі, а з крытыкамі-сябрамі, дарадцамі, патрабавальнымі, але добразычлівымі.

У сувязі з думкамі пра нашу крытыку, якая, безумоўна, зьяўляецца ня сёньня, мне вельмі зразумела трывога маіх сяброў, асабліва малодшых, за тое, што ў асобных выступленьнях асобных крытыкаў, нашых і маскоўскіх, у апошні час пачалі зьяўляцца як бы рэцыдывы тых крытычных прынцыпаў, якія асуджаны партыяй і паступова адыходзяць у нябыт.

«Мёртвым не баліць» ёсьць за што крытыкаваць, тыя закіды, якія зрабіла В. Быкаву «Правда» і зробленыя ў дакладзе і садакладах, ды і рабіла яго сябрамі і чытачамі, безумоўна, правільныя. Рэч гэта на вельмі сур'ёзную тэму, мастацкі складаная, і яна патрабуе сур'ёзнага глыбока аналітычнага прафесіянальнага разбору, які пераканаў бы і аўтара, і чытачоў. Спробы ж асобных крытыкаў паставіць пад сумненне ўсю творчасць аднаго з лепшых нашых празаікаў, імя якога вядома далёка за межамі Беларусі, гэтыя спробы беспадстаўныя, і, я ўпэўнен, ніхто з нас, незалежна ад таго, як ён адносіцца да апошняй аповесьці Быкава, з такім крытычным прыёмам ня можа згадзіцца. (*Апладысьменты.*) [...]

Разам з тым я асабіста не магу згадзіцца з многімі палажэньнямі выступленьня самога Быкава, якія тут прагучалі. Я думаю, што больш за ўсё кіраваўся крыўдай, а не крытычным аналізам сваёй аповесьці. (*Ажыўленьне ў зале.*)¹

Зразумела, будуць і тыя, хто адкрыта выступіць супраць Быкава — напрыклад, У.Карпаў: «Я шмат у чым нязгодны з Васілём Быкавым. Але я разумею апаленую вайной яго душу ў «Жураўліным крыку», «Трэцяй ракеце», «Альпійскай баладзе». Адчуваю, які цяжар гняце яго — больш за дваццаць мільёнаў савецкіх людзей згарэла ў пякельным агні. Разумею яго пытаньне: «Правільна, ахвяры ў вайне непазьбежныя. Ды ці не магло стацца так, каб іх было меней?» [...]

А вось зразумець, што можа штурхаць пісьменьніка, ну, скажам, на тое, каб зніжаць вялікасьць зробленага народам у вайне, бачыць у гераічным толькі фанатычнае або падпарадкаваньне чужой волі, імкнуцца пазбавіць нават сэнсу сьмерць нашага чалавека ў вайне, я не магу. Не магу я зразумець і тых, хто прымяняе да законаў вайны законы мірнага часу.

Сапраўды, у імя чаго гэта робіцца? Мне могуць адказаць — у імя праўды.

Як, бачыце, зноў паўстае пытаньне, пра якое так добра гаварыў Мележ. Сьвятая, цяжкая, недзялімая праўда! І ўсё-такі я пытаюся: якой праўды? Праўды выпадку, што меў месца ў жыцьці? Праўды, падказанай ня вельмі зручнай пазіцыяй, з якой назіраў падзеі? Гуманізм?²

Ці А. Савіцкі: «Нікалай Васільевіч Шэлгуноў — аўтар першага ў Расіі ваяўніча рэвалюцыйнага дакументу «Адозва да маладога пакаленьня» пісаў, што «...неудавшимся талантом будет всякий писатель, который не в силах иметь воспитательного значения, который не в состоянии пробуждать хороших благородных чувств и гуманных мыслей». [...]

На вялікі жаль, мы часта забываем гэта, у прыватнасьці, маладыя пісьменьнікі розных канцэпцыяў, адна з якіх прагучала ў выступленьні аднаго майго паважанага

¹ БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 110. Стэнаграма.

² Там жа, Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 238-239.

і старэйшага сабрата па агульнае пісьменьніцкай справе, такога старога і такога вельмі паважанага, што я вельмі хвалюся, гаворачы сёння пра гэта.

Ён сказаў: глядзі вакол сябе і пра ўсё тое, што бачыш, пішы. Гэта, маўляў, і будзе рэалізм. Не рэалізм, а чыстюткі натуралізм. Вось гэта ісьціна, якая не патрабуе ніякіх доказаў, і памылковасьць якой, прынамсі, давёў сваімі творамі сам жа аўтар гэтай канцэпцыі Іван Мележ. Праўда — гэта яшчэ ня ўся праўда, бо з факту жыцця мастак павінен выплавіць сапраўдную праўду мастацтва.

Быць рэалістам, мабыць, лягчэй таму, што над фактамі жыцця ня трэба шмат разважаць, у іх нічога ня трэба выплаўляць, ня трэба аддаваць яму сваю кроў, разум, пакуты, горкі роздум, радасьць і гора. І тут вельмі вялікая спакуса сказаць менавіта пра тое, што кідаецца ў вочы толькі адразу.

А. М. Горкі сьцьвярджаў, што «если всегда говорит людям только горькую правду о их недостатках, этим покажем их такими мрачными красавцами, что они станут бояться друг друга, как звери, и совершенно потеряют чувство доверия, уважения и интереса к ближнему, чувство, не очень пышно развитое у них. Правда — необходима. Огонь ее, закаляя крепкую душу, делает ее еще более сильной, но ведь крепких душ немного среди нас, а в слабой душе от ожогов правды появляются только болезненные пузыри злобы, ненависти, заводятся чесотка раздраженного самолюбия».

Але калі гэта зьяўляецца праўдай у дачыненні да літаратурнага працэсу, дык з яшчэ большай падставай можна сказаць яе ў дачыненні да непасрэдных удзельнікаў яго. І, думаецца, мы вельмі балюча ўспрымаем гэтую праўду і, баючыся гэтых хвароб, не гаворым шчырую праўду адзін аднаму. Але калі і пачынаем яе казаць, дык імкнемся прывісьці сабе манапольнае права на гэтую праўду. Вось, маўляў, што я сказаў, дык гэта ёсьць чыстая праўда і адносна жыцця, і адносна твораў аб ім, а тое, што кажуць другія, — гэта ўжо «от лукавого». [...]

Так атрымалася і з кніжкаю Васіля Быкава «Адна ноч». А што тычыцца аповесьці «Мёртвым не баліць», дык тут на крытыку яе некаторыя таварышы паклалі трывалае табу. Я вельмі шкадую, што аўтары яго не былі на пасяджэньні рэдакцыі часопісу «Маладосць», дзе ішло абмеркаваньне гэтай аповесьці. Там было прынята аднадушнае рашэньне друкаваць. Але разам з тым Васілю Быкаву выказалі шмат крытычных заўвагаў. І мне думаецца, што гэтыя крытычныя заўвагі — і аўтар, між іншым, амаль з усімі імі пагадзіўся і дапрацоўваў аповесьць — далі яму значна болей карысьці для далейшага пісьменьніцкага росту, чым лісьлівае, а часам і падманнае ўсхваленьне.

А давайце паглядзім на ўсё спакойна. Ёсьць за што Быкава крытыкаваць у яго творчасці? Бясспрэчна, ёсьць. У прыватнасьці, зборнік апавяданьняў «Адна ноч».

Але бясспрэчным зьяўляецца і тое, што тон выступленьня газеты «Советская Белоруссия» сёння прыняць цяжка. Але калі мы пакідаем за сабой як пісьменьнікі права свабодна выказаць свае думкі, мець сваю думку на падзеі, дык давайце пакінем гэтае права і за газетай, тым больш што ня кожнае выступленьне рэдакцыйнае ёсьць думка ЦК. Калі ЦК прымае якую-небудзь пастанову, дык ставіцца ўверсе альбо ўнізе подпіс — у Цэнтральным Камітэце.

«Обращаться со словом нужно честно». І ў дадатак да гэтага завету Гогаль пакінуў і яшчэ адзін, які мы мала прыгадваем, калі пачынаем свае творчыя гаворкі: «Писатель, воспитайся прежде как человек и гражданин, а потом уже принимайся за перо».

Чалавек і грамадзянін. Чалавечая грамадзянская мужнасьць, партыйная прынцыповасьць — першае, што павінна вызначаць характар нашых адносін паміж намі, характар нашых спрэчак, нашых творчых размоваў. Мы павінны памятаць, што нашыя кнігі, добрыя ці блягія, яны застаюцца помнікамі нашага жыцця, нашага часу. Вось чаму так Васілю Быкаву прыпомнілі гэту праўду.¹

Дарэчы, пра гэта выступленьне калегі Быкаў напіша: «Пасьля перапынку адра-

¹ БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 268-271. Стэнаграма.

зу выступіў Алесь Савіцкі, які незадоўга перад тым прыехаў з аспірантуры Літаратурнага інстытуту і таксама пачынаў кар’еру. Цьвярдым, разьмераным голасам пераконанага артадокса ён умомант прыгваздыў да ганейнага слупа рэнегата і антысаветчыка Быкава за яго паклёп на Савецкую Армію і яе авангард — партыю камуністых. Савіцкаму таксама апладзіравалі, а я там жа ў зале напісаў яму запіску: «Далёка пойдзеш, Алесь!» І бы ў ваду глядзеў. Не мінула і месяца, як мой змяляк і аднагодак апынуўся на хлебнай і ганаровай пасадзе ў ЦК КПБ. Праўду казалі: «Галоўная ісьціна веку: сябра зьёў — сам таўсьцейшым стаў».¹

В. Кажэўнікаў у сваім сумбурным выступленьні адзначыць: «Я был встревожен несколько развязным и разносным тоном, которым была написана статья в республиканской газете о повести В. Быкова «Мертвым не больно». Но меня очень огорчило здесь выступление Василия Быкова. Он говорил как-то высокомерно, с заранее предвзятым ощущением, как будто бы здесь его противники, недоброжелатели, люди, которые обрадуются его ошибке-неудаче, а не те, кому очень больно от его просчетов. Мне не хотелось бы, чтобы Василь Быков пребывал в этом состоянии высокомерия. Поймите, товарищ Быков, нельзя утрачивать чувство товарищества в трудные моменты неудачи. Не нужно бояться друга друга, нужно больше верить друг другу, так как партия поверила нам, желая нам великих успехов»²

«Слова ад імя партыі» скажа сакратар ЦК КПБ С. Пілатовіч: «Мы выступаем супраць разбурэньня ідэалаў, якім прысьвяціла сябе ўжо не адно пакаленьне савецкіх людзей. Такая справа ня гонар савецкага чалавека, тым больш для пісьменьніка. Тут мы бескампрамійны і не зьвяртаем увагі, хто ён, якія мае заслугі, камуніст ці беспартыйны. Так было пры Леніне, так будзе і цяпер. І калі мы чытаем у творы, што патрыятызм у гады Вялікай Айчыннай вайны — гэта газетная выдумка, што ўсё рабілася пад прымусам, пад страхам сьмерці, гэта не можа не выклікаць у нас прыкрасы і абурэньня»³

Аднак П. Броўка ў заключным слове паспрабуе абазначыць «залатую сярэдзіну»: «Я лічу, што і т. Быкаў, якога ніхто не зьбіраўся закрэсьліць і пра якога ясна, што мы маем справу з таленавітым чалавекам, каб ён зразумеў, што ўсе выступленьні, у якіх была і крытыка ў яго адрас, былі добразычлівымі. І я думаю, што нам проста і не трэба яго вучыць, ён сам разумее, што яму трэба для далейшага, каб пазьбегнуць тых памылак, на якія заслужана было ўказана яму нашым друкам».⁴

Такім чынам, можна лічыць, што калі гэта была і не перамога Васіля Быкава, дык, ва ўсялякім выпадку, і не параза. На карысьць гэтага сьведчыць і той факт, што пісьменьнік ня толькі будзе абраны зьездам у праўленьне СП БССР (затым, дарэчы, і у прэзідыум праўленьня),⁵ але разам з П. Броўкам, Я. Брылём, П. Глебкам, К. Крапівой, А. Куляшовым, М. Лужаніным, П. Панчанкам, М. Танкам, І. Шамякіным ды іншымі будзе таксама абраны дэлегатам на IV зьезд пісьменьнікаў СССР.⁶ Невыпадкова А. Пяткевіч прыгадвае:

— Да Быкава ліплі нават тыя, што лічыліся афіцыйнымі асобамі! Яны шукалі яго кампаніі, яго прыхільнасьці, нават усьмешкі. Падступіцца да яго, калі праходзіў які пісьменьніцкі зьезд ці пленум, было цяжка. Яго тут жа акружалі людзі, прычым усе стараліся праявіць да яго ўвагу. Нават на тым V зьездзе. Хай шмат хто і баяўся выступіць у абарону Быкава, але ж пасья падыходзілі паціснуць яму руку. Пісьмень-

¹ Доўгая дарога дадому. С. 255-256

² БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 199. Стэнаграма.

³ Там жа, Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 280. Стэнаграма.

⁴ Там жа, Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 342. Стэнаграма.

⁵ Пратакол № 1 (6) арганізацыйнага пленума нанова выбранага V зьездам праўленьня СП БССР ад 14 мая 1966 г. БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 142, арк. 77.

⁶ Літаратура і мастацтва. 1966. 17 мая.

⁷ Разам з партыяй, разам з народамі // Літаратура і мастацтва. 1966. 20 мая.

ніцкае асяроддзе і ў тых часы было, як прынята сёння гаварыць, апазіцыйным, апазіцыйным проста па прыродзе сваёй. Толькі большасць памоўквала, а ў Карпюка з Быкавым гэта апазіцыйнасць выяўлялася ярка.

Праўда, выступленне Быкава падчас зьезду надрукаванае ў газетах ня будзе — «ЛіМ» падасць яго ў скарочаным варыянце, прычым сэнс таго, што ён гаварыў, будзе мець ужо зусім іншы выгляд.⁷ Але быкаўская прамова ня толькі прагучыць у эфіры Радыё «Свабода», але і пачне хадзіць у так званых «сьпісах» у Менску і па-за межамі Беларусі, у тым ліку і з лёгкай рукі В. Аскоцкага (апублікаваная будзе толькі ў 1990 г. у часопісе «Крыніца» (№ 4), які шмат пазней прыгадваў: «Прощаясь с Василем, упросил дать мне с собой текст речи. Поколебавшись, дал. Наутро в Москве — рассказываю об этом впервые — я перевел ее, дал почитать одному, другому — пошло по рукам. Вряд ли я был единственным, кто вернулся из Минска с быковской речью в кармане, но из разошедшихся тогда текстов тот, который привез я, опознавался по одной-двум неточностям, какие я в сыпешке не углядел при переводе с белорусского. И, как потом узнал от Василя, еще по какой-то фразе, которую он не произнес с трибуны, но оставил не вычеркнутой в моем экземпляре текста. В это «разночтение» вьедливо вцепился дотошливый кагебист, вызывавший Василя на «профилактическую» беседу не то в Минске, не то в Гродно: припомните, как и кому вы передали невыправленный текст. О том, как он ушел от ответа, Василь не распространялся. Кажется, посетовал на бесконтрольность, естественную в хаосе нервозно взвинченной обстановки».¹

Генадзь Бураўкін сёння прыгадвае:

— Зьезд той быў вельмі няпросты і нават няровны. І ў той жа час ён быў паваротным у літаратурным жыцці Беларусі, хаця б ужо таму, што ў хуткім часе пасля яго сышоў з пасады кіраўніка Саюза пісьменьнікаў Пятрусь Усьцінавіч Броўка, якога мы, можа, нават залішне лялялі за многія рэчы, якія адбываліся ў нашым саюзе.

Што ж датычыць прамовы Василя, яна была, мне здаецца, надзвычай важнай ня толькі для яго самога. Ён не апусьціўся да дурных спрэчак, трымаўся вельмі годна, ужо ў самым пачатку сказаў, што многія чакаюць выступленьня ў духу Го Мажо, але ён такога ня зробіць. Сваімі паводзінамі Василь пацьвердзіў і ня толькі канчаткова акрэсьліў свае эстэтычныя і літаратурныя пазіцыі і прынцыпы, але і чалавечыя. Ён даказаў, што не адступіцца ад іх ніколі.

А яшчэ Василь даў прыклад калегам, у якіх, можа быць, былі хістаньні і няўпэўненасьць. Василь умацаваў пазіцыю ня толькі свае — ён умацаваў пазіцыю пэўнага кірунку, калі гаварыць гучна, пазіцыю вернасьці праўдзе ў літаратуры, у прыватнасьці, літаратуры пра вайну.

Той зьезд быў дастаткова мітуслівы, нямала было там гарачага. І, можа быць, іншыя прамовы па тону, па фармулёўках былі і больш вострыя, чым у Василя, затое быкаўскае выступленне вызначалася мужнасьцю і глыбінёй пазіцыі. Невыпадкова яго потым не надрукавалі ў афіцыйных газетах (а іншых тады не было), але яно шырока разышлося ў сьпісах, і ня толькі ў Беларусі, але і ў Маскве, Кіеве, Прыбалтыцы...

Гэта была бясспрэчная маральная перамога тых пазіцыяў, на якіх стаяў Быкаў. Я і дасюль памятаю той духоўны ўздых, які перажылі мы пасля зьезду, бо ўсё-такі мы былі пераможцамі. І асноўнай «ударнай» сілай гэтай перамогі быў Василь.

У той жа час беларускага пісьменьніка падтрымаюць зноў жа калегі-літаратары:

«3 шоня 1966 г.

Дорогой Василь!

Вот уже месяц почти целый собираюсь написать тебе письмо и не соберусь никак. Но, может быть, это и к лучшему, потому что пишу теперь не под первым впечатле-

¹ Оскоцкий В. Через годы — через жизнь.

нием, а, так сказать, находясь в трезвом разуме и т. п. . . . Хорошую речь произнес ты. Достойную, честную, мужественную и призывающую к мужеству. В каждом слове — озабоченность не только делами литературы, но и делами государства. Собственно, так и подобает писателю в обществе. И еще хороша твоя речь тем, что она сказана не после других, а раньше других. Сказано именно то, что нужно было сказать, а в твоём положении это тем больший акт мужества. Я рад за тебя, что в испытаниях ты не сник, а вырос, многим подавая пример.

Жму твою руку и очень хочу увидеть тебя, когда приедешь в Москву.
Твой Г. Бакланов».¹

«Пахра, 8 июня 1966 г.

Дорогой Василий Владимирович!

Только на днях мне удалось прочесть Вашу речь на съезде белорусских писателей, хотя слышан о ней я был уже давно, и не могу не выразить Вам своего искреннего восхищения тем достоинством, с каким Вы выступили в столь трудный для Вас (и для нас, «Н. М.») момент. И как великолепно, что не о себе, не только не о себе в общепринятом плане («только теперь я понял. . .» и т. п.) но и ни с какого боку. Дельно, значительно, по-взрослому. Да, именно так стоит сейчас вопрос: либо литература, либо некое подобие ей прикладного, иллюстративного назначения.

Если бог сподобит услышать три-четыре таких речи на предстоящем съезде, то, хотя я не считаю, что на съездах делается литература, — какой-то благотворный поворот обозначится непременно.

Крепко жму Вашу руку. С большим интересом жду любой Вашей страницы не только как редактор, но как читатель, хотя эти мои слова не означают апологетического отношения к Вашей последней вещи целиком. Но мои претензии к ней, собственно, ко второй ее половине — претензии чисто литературного порядка, которые однако не могли послужить к постановке вопроса о том — печатать или не печатать повесть в «Н. М.», т. е., конечно, печатать.

Крепко жму Вашу руку, желаю всего самого доброго. Что будет — хотя бы и не столь объемное, хотя бы и не «чисто художественное» — присылайте.

Ваш А. Твардовский».²

Дарэчы, сам Быкаў пазьней напіша пра гэтую паштоўку Твардоўскага: «Пасьля ён прысылаў мне нямала лістоў і паштовак, але той самы першы стаўся для мяне самым важным ва ўсіх адносінах. Аляксандр Трыфанавіч найперш абгрунтаваў уласную пазіцыю ў дачыненні да сучаснай літаратуры і засьведчыў пэўную прыхільнасьць да майго выступу на зьездзе. Яму спадабалася, што я не апраўдваўся там, не вініўся, а хутчэй — наступаў і абвінавчваў».³

Яшчэ больш упэўнена адчуе сябе гарадзенскі пісьменьнік, калі атрымае тэлеграму ад В. Някрасава — 18 чэрвеня 1966 г. Віктар Платонавіч тэлеграфавалі: «Пьём твое здаровье просим приехать Киев выпить сто грамм Сахно тчк гвардии капитан Некрасов мама гвардии капитана Некрасова капитан Пархомов капитан Борский младший лейтенант запаса Лубоцкий рядовой необученный Снегирев рядовой обученный Нахманович».

Дарэчы, на адвароце бланку тэлеграмы В. Быкаў пакінуў алоўкам, трэба думаць, чарнавы варыянт адказу: «Дорогие однополчане — спасибо Оказалось, Сахно жив-здоров, дает прикурить. Однако будем держаться, следуя примеру к[апита]на [неразб.] Некрасова. Горячим приветом к[апита]н Быков».⁴

(Працяг будзе)

¹ Хатні архіў В. Быкава.

² ДМГБЛ. КП 10735/794.

³ Доўгая дарога дадому. С. 257.

⁴ ДМГБЛ. КП 10735/790.